

RU

Категории добра и красоты в пространстве постсекулярной культуры

Миллер В. И.

Аннотация. Цель исследования – определить ряд содержательных характеристик добра и красоты в пространстве постсекулярной культуры, в которой секулярный и религиозный подходы занимают важное место. Научная новизна заключается в том, что, несмотря на главенство секулярных установок в современной культуре, важную роль играет религиозный подход в процессе формирования представлений современного человека о добре и красоте. Применяемые секулярный и религиозный подходы в определении сущностных характеристик добра и красоты помогают выявить особенности процесса формирования постсекулярной культуры. В результате постсекулярная культура проанализирована как философский феномен в аспекте категорий добра и красоты. Описание возможных перспектив развития постсекулярной культуры, добра и красоты представлено в литературных произведениях современного автора В. Пелевина.

EN

The categories “goodness” and “beauty” in the space of post-secular culture

V. I. Miller

Abstract. The aim of the study is to identify a number of meaningful characteristics of goodness and beauty in the space of post-secular culture, in which secular and religious approaches occupy an important place. The scientific novelty lies in the fact that despite the predominance of secular attitudes in modern culture, the religious approach plays an important role in the process of formation of modern man's ideas about goodness and beauty. The applied secular and religious approaches in defining the essential characteristics of goodness and beauty help to reveal the peculiarities of the process of formation of postsecular culture. As a result, postsecular culture is analysed as a philosophical phenomenon in the aspect of the categories of goodness and beauty. The description of possible prospects for the development of postsecular culture, goodness and beauty is presented in the literary works of the modern author V. Pelevin.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что добро и красота выступают важнейшими духовно-нравственными и ценностными ориентирами бытия человека и общества прошлого и современности. Такого рода исследование позволит обосновать ключевые тенденции будущего развития современной культуры, очертить наиболее значимые характеристики культурной картины мира и место человека в современном социокультурном пространстве. Следует отметить, что, с одной стороны, представление о добре и красоте становится онтологическим основанием для формирования постсекулярной культуры, с другой – «оформленное» пространство современной культуры транслирует индивиду и обществу «стандарты» в понимании добра и красоты.

Для достижения обозначенной цели нами заявлены следующие задачи:

- обосновать содержательные признаки постсекулярной культуры, особенности ее становления и современного состояния с помощью понятий «религиозность», «секулярность»;
- проследить особенности формирования представлений о добре и красоте в истории философии;
- выявить содержательные основания современного понимания добра и красоты при обращении к литературным произведениям В. Пелевина.

Материалом для исследования стали литературные тексты, в которых рассматриваются планы реализации трансгуманистических проектов в постсекулярном пространстве. Мы полагаем необходимым провести герменевтический анализ литературных сочинений современного автора, в которых описаны сущностные характеристики трансгуманизма и постсекулярной культуры:

- Пелевин В. Желтая стрела. ФТМ, 1993.
- Пелевин В. Жизнь насекомых. М.: Вагриус, 2003.
- Пелевин В. Трансгуманизм. М.: Эксмо, 2021.

Теоретическую базу исследования составили публикации современных ученых, рассматривающих проблематику постсекулярной культуры. Аспекты определения ее роли и значения представлены в работах следующих авторов: В. Ю. Инговатов (2018), Ю. В. Хвастунова (2022), А. А. Поздеева (2020). Ряд авторов осуществляют оценку возможных перспектив развития постсекулярной культуры: Д. Д. Наумова (2023), Я. В. Кубасова (2021).

Для проведения данного исследования, а именно для подтверждения сложной природы постсекулярной культуры через призму философских категорий добра и зла, нами были применены следующие методы: сравнительно-исторический, который позволил обосновать особенности формирования постсекулярной культуры; герменевтический – в работе с литературным текстом; структурно-функциональный, позволяющий определить специфику структурных элементов постсекулярной культуры, ее целостности и взаимообусловленности с представлениями о добре и красоте.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены для анализа постсекулярной культуры в практике преподавания философских дисциплин для бакалавриата и магистратуры, а также курсов по этике и эстетике в изучении вопроса о содержательных трансформациях категорий «добро» и «красота».

Обсуждение и результаты

В истории философии сложилась практика изучать природу добра в качестве основополагающей категории этического знания, а красоты – эстетического. Вокруг данных категорий выстраиваются следующие диалектические пары: добро и зло, красота и безобразие, которые организуют и систематизируют все уровни бытия. Проблема постижения сущности и важнейших аспектов проявления двух значимых философских категорий добра и красоты исследовалась философами и этиками (Каган, 1997; Лихачев, 2018), теоретиками эстетического знания (Борев, 1997) и литературоведами (Бахтин, 2003). Все они отталкиваются от общепризнанных канонов добра и красоты, преломляя видение последних в многообразии духовных и материальных ценностей. Представленные авторы стали одними из тех, кто во второй половине XX века формулировал онтологические аспекты философских категорий добра и красоты в пространстве постсекулярной культуры. Представителей школы советской культурологии объединил деятельностный подход к определению добра и красоты, к пониманию человека и мира культуры.

На сегодняшний день проблематика определения добра и красоты в пространстве постсекулярной культуры заслуживает особого внимания.

Во-первых, постсекулярная культура позволяет изучить следующую динамику развития человечества: «религиозная культура прошлого» – «секулярная культура XX века» – «постсекулярная культура современности». В данной триаде обнаруживается главенство секулярного, светского, как преобладание ценностей земного порядка над божественными.

Во-вторых, «рассмотрение особенностей постсекулярной культуры позволяет, с одной стороны, сделать акцент на культурно обусловленных факторах и характеристиках современного общества, а с другой – проводить сравнительный анализ различных явлений и процессов именно под углом религиозно-духовной составляющей» (Хвастунова, 2022, с. 36-37). Это означает, что, несмотря на распространенность светского принципа миропонимания, религиозные ценностные установки играют значимую роль в мировоззрении отдельного индивида и в современной культурной картине мира. Зачастую религиозные установки соотносятся с духовно-нравственной доминантой и выступают одним из важнейших оснований для сохранения стабильности и единства общества.

В-третьих, пространство постсекулярной культуры демонстрирует сосуществование двух противоречивых тенденций. «С одной стороны, по сравнению с эпохой секулярности, наблюдается возврат религии в общественную жизнь... С другой стороны, светские установки современного общества часто не позволяют рассматривать веру как самоцель, отводя ей роль средства достижения общественного блага» (Усольцев, 2022, с. 31-32). Данная позиция подчеркивает тот факт, что между светскими и религиозными установками прослеживаются отношения не только противоречивости, но и взаимодополняемости. Это выражается в том, что любое светское государство уделяет достаточное внимание религиозному воспитанию и образованию молодого поколения, подчеркивая ценность религии как важной духовной составляющей в процессах социализации индивида.

В-четвертых, «критика секуляризма проложила дорогу теории постсекуляризма, главной идеей которой является возвращение религии в публичное пространство... освобождая религию от представления о ней как о единственно жесткой догматической системе» (Поздеева, 2020, с. 81). Данный тезис демонстрирует осуществление не только процесса преемственности секулярного и постсекулярного мира, но и оценку сложившегося конфликта между ними. На примере отечественной истории это может быть выражено в следующем описании: «Сначала был совершен онтологический отказ от фундаментальных ценностных императивов, в основу которых были положены постулаты христианской (православной) цивилизации... Затем произошел новый разлом в сознании уже советского общества, который привел к возрождению нигилистического радикализма, но уже в отношении советского проекта» (Инговатов, 2018, с. 44). Такая смена ценностных ориентиров с секулярного на религиозное и попытка в пространстве постсекулярной культуры их объединить обусловили новую модель, на первый взгляд, противоположных и противоречивых установок. И если одни

исследователи полагают, что это единство возможно, то другие указывают на то, что современная культура обнаруживает «принципиальную несовместимость современности и религии: чем больше одного, тем меньше другого» (Узланер, 2012, с. 13).

В самом названии «постсекулярная культура» прослеживается некое главенство светских, секулярных установок, кардинальным образом влияющих на мировоззрение как отдельного индивида, так и общества в целом. Однако в ситуации отказа от признания важности религии и религиозных ценностей в современном обществе формируется позиция онтологического нигилизма (открытое или скрытое отрицание, выраженное в равнодушии и опустошенности современного человека), который подчеркивает значимую позицию человека в пространстве современной культуры как единичного лидера, не нуждающегося в обращении к Богу и не тяготящегося своим единоличным «Я». В свою очередь, данное стремление к безраздельной свободе обусловило проблематику одиночества, которая стала одной из узнаваемых в философии XX и XXI веков, в секулярной и постсекулярной культурах. Полагаем, что являемся свидетелями того, как постсекулярная культура осуществляет попытку примирения науки и религии, секулярного и религиозного, чтобы найти возможности уравновесить эти силы, встраивая их как фрагменты мозаики в определенные положения культурной картины мира. В качестве возможных перспектив развития современной культуры следует указать на то, что по своей природе человек онтологически предрасположен к некой устойчивости, если осуществляется взаимодополненность земного и небесного, временного и вечного. И если современная наука, как флагман секулярности, не дает ответ на вопрос, что будет с человеком после смерти, то религия и «религиозная вера – это не только знание о существовании Бога, но и абсолютное доверие к Нему как Творцу и Спасителю» (Чернякова, 2024, с. 465). В этой ситуации человек обретает душевную гармонию, духовно развиваясь и транслируя миру многообразные примеры проявления почитания добра и красоты.

Какое место занимают в пространстве постсекулярной культуры категории добра и красоты? Удивительным образом абстрактная природа добра и красоты начинает приобретать определенные черты только в момент осмысления их человеком или характеризоваться применительно к его поступкам и действиям. Выступая в качестве субъекта в осуществлении конкретного выбора, индивид «одушевляет» добро и красоту, наполняя их смыслом и значимостью. В вопросе осмысления онтологических оснований данных категории добра мы обратимся к наследию Л. Н. Толстого, который подчеркивал их важность для осмысления бытия человека.

Первый тезис, характеризующий их взаимодействие, прослеживается в том, что, добро и красота выступают неотъемлемым признаком родовой природы человека, и он, как некая идеальная сущность, воплощает их в многообразии духовных и материальных ценностей. Согласно первой позиции, человек или рождается с готовностью к созерцанию и к сотворению добра и красоты своим существованием, или в течение жизни научается ценить все многообразие проявлений добра и красоты, опираясь на рациональность и чувственность. Так, Л. Н. Толстой писал о том, «что добро есть цель жизни, ...а красота не что иное, как то, что нам нравится» (1911, с. 388). Второй тезис позиционирует актуальность оценивания добра и красоты в качестве атрибутов существующего мира, являясь одним из универсальных законов бытия. Она ориентируется на некие внешние авторитеты, к которым можно отнести как религию, так и мораль. «При каждом шаге вперед, который делает человечество... шаги эти совершаются через все большее и большее уяснение религиозного сознания» (Толстой, 1911, с. 394). В этом случае, становится важным научить и приобщить индивида к тем ценностям, которые являются духовным достоянием человечества. Здесь мы вспоминаем о высокой миссии Сократа – пробуждать людей, показывая, что есть добро и красота, а также почему необходимо быть добродетельным.

Этимология терминов «благо» и «красота» имеет давнюю историю. В переводе с др. греч. добро означает – «хорошо», «благо». На протяжении многих тысячелетий человечество накапливало информацию о том, что есть добро и как оно должно соотноситься с различными сферами общественной жизни: добро и право, добро и политика, добро и искусство и др. Наряду с этим, добро есть не только транслирование обществом складывающихся представлений о должном и праведном, но и одновременно есть свободный выбор каждого индивида. Например, добро есть «нравственная ценность, ...качество поступка; ...совокупность положительных принципов и норм морали; ...моральное качество человека» (Наумова, 2023, с. 189). Каждый человек играет важную роль в ситуациях построения определенного понимания того, что есть добро. Продолжением усвоенных норм становится практический аспект, когда осуществляется единство и принятие моральных норм с реализуемыми нравственными моделями поведения.

История формирования онтологических оснований категории добра связана с важнейшими вехами отечественной истории. В постсекулярной культуре, начиная с конца XX века и по настоящее время, содержание категории «добро» обусловлено следующими факторами. Во-первых, «в России вследствие жестокой многовековой борьбы за существование с внешними угрозами и наличия крепостничества в самой стране сформировался культурный архетип, причудливо соединивший в себе доброту – и жестокость, смирение – и порыв к бунту, стремление к красоте – и жажду разрушения...» (Козлов, 2024, с. 21). Во-вторых, в истории отечественной культуры категория добра раскрывается в светском и религиозном аспектах.

Светское, секулярное понимание добра как категории этического знания обусловленного свободой и гуманизмом. «Добро выступает аналогом мыследеятельности субъекта, актуализирующей разумно-нравственное (понимающе-любящее) отношение человека к человеку» (Ковалева, 2005, с. 11). В этом контексте подчеркивается деятельность природа добра, которая характеризуется как онтологическая потребность индивида проявлять любовь, сопереживание, милосердие. Аристотель писал, что в самой природе человека заложено чувство

любви к своим близким, которое обуславливает стремление человека быть добродетельным. Иными словами, не стремиться к добру, а осуществлять добрые дела, чтобы ощущать себя человеком в полном смысле этого слова.

Религиозное понимание добра сопрячено с идеей единства Бога и добра, последнее есть проявление божественной мудрости и милости. Так, теодицея подчеркивает, что Бог не может прибегать к насилию, даже если необходимо преследовать самые благие намерения. Отсюда, «Бог есть бытие, но он одновременно есть и Абсолютное Добро... Бог сам в себе есть Добро» (Хватаева, 2020, с. 225). Еще средневековые философы Аврелий Августин и Фома Аквинский подчеркивали неразрывность божественного и добродетельного, выделяя абсолютную природу добра. Так, в образе Иисуса Христа заключается безусловное и всепоглощающее добро, когда была явлена милость ко всем без исключения.

В своем проявлении Добро есть красота, которая призвана спасти мир, по мнению Ф. М. Достоевского, и тем самым служить идеалам добра. Первые упоминания о красоте обнаруживаются у Гераклита, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Научный интерес к осмыслению красоты способствовал тому, что в Античности сложилось несколько традиций ее понимания: аполлоническая, дионисийская и гестианская. «Аполлоническая традиция красоты есть ее понимание как гармонии, Дионисийская – это продукт творчества, Гестианская традиция подчеркивает единство красоты и добра» (Муратова, 2009, с. 7-8). Понимание красоты как проявления жизни и первоосновы, реализуемой во всем, положенное В. С. Соловьевым, сыграло важную роль для построения современной эстетической традиции. В постсекулярной философии распространена следующая трактовка: «Сущность, которая описывает особую (виртуальную) реальность и не выводима из потребностей. В таком статусе она (красота) не может быть вторичной, она обладает особым статусом – от социальной нормы до лично осознанной и принятой ценности» (Сайкина, 2015, с. 141). Оправданный научный интерес к осмыслению красоты и ее связи с категорией «добро» положили начало новой гуманистической традиции, в которой человек становился целью и ценностью, а добро и красота производными его взаимодействия с окружающими.

Современная картина мира включает добро и красоту в группу ориентиров формирующегося пространства постсекулярной культуры, в центре которой находится человек, направленный, в большей степени, на ценности земного порядка. Главенствующими установками являются прагматизм и утилитаризм, которые определяют особое понимание добра и красоты. «Подлинные смысловые блага замещаются симулякрами, бесчисленными «копиями копий», в том числе усредненными конформистскими идеалами. Одномерный человек, лишенный чувства социальной ответственности, руководствуется в своей деятельности исключительно собственными интересами» (Емельянова, 2022, с. 17).

Современному человеку важно осознавать выгоду и пользу для себя, в этом крайнем индивидуализме формируются главные принципы взаимосвязи и взаимодействия с окружающим миром. Мы полагаем, что по степени того, как человек определяет себя и выстраивает свои взаимоотношения с миром и другими людьми, можно охарактеризовать всю полноту содержания добра и красоты. В этой связи необходимо актуализировать сформулированный в XX веке экзистенциальный тезис ответственности за выбор и высокую степень ответственности за предпринимаемые действия. По мнению А. Д. Сахарова (1968), если не осуществлять воспитание и самовоспитание в принятии добра и красоты, человечество может погрузиться в хаос агрессии и массового истребления, тем более, что оно обладает достаточно широким арсеналом военного вооружения.

К настоящему времени существует большое количество научных статей отечественных и зарубежных исследователей о последствиях трансгуманистического мировоззрения как основы для будущего человечества. В центре их интереса следующие аспекты: трансгуманизм «предлагает иллюзорные технологические формы освобождения от телесных и психических страданий. При этом возникает огромная опасность превращения человека в некий объект безграничного произвола» (Положенкова, Чернижников, Соловьев, 2024, с. 84); «идеи трансгуманистов направлены на изменения человека, способного жить в изменяющемся мире с ухудшающимися условиями природной среды, которые человек сам и породил своей жадностью и эгоизмом» (Смирнов, 2023, с. 164). К настоящему времени трансгуманизм может изучаться как «популярное международное движение, обретая как сторонников, так и ярых противников. Еще недавно теоретический и философский вопрос перешел сегодня в область практики, общая цель которой заключается в бесконечном совершенствовании человека через достижения научно-технического развития» (Смирнов, 2023, с. 163).

Особый интерес представляет описание эволюции идей трансгуманизма второй половины XX века, предложенное А. А. Дыдровым, включающее деятельность ассоциации (Н. Бостром, Д. Пирс), а также «последующий раскол трансгуманизма на несколько направлений: аболиционизм, ставящий во главу угла борьбу с болезнями и патологиями, физическими страданиями человека (Д. Пирс); либертарианство, проповедующее неограниченное право каждого человека на “модернизацию” тела и свободную рыночную циркуляцию НБИК-технологий (Р. Бейли, Г. Рейнольдс); технокоммунизм, выступающий за нанотехнологическую революцию, открывающую путь к изобилию и ликвидации труда (А. В. Лазаревич); сингуляризм, предсказывающий неконтролируемый прогресс вычислительных мощностей компьютеров и выступающий за перенос сознания на небиологический носитель (Н. Бостром, Г. Моравек, Э. Юдковский, А. А. Болонкин)» (2021, с. 9).

Данные исследования отражают необходимость дать научную оценку как идеям трансгуманизма, так и последствиям их реализации в настоящем и будущем культуры. Однако для более широкой аудитории будет представлять интерес художественное описание, которое вызывает образность и целостность картины будущего. Описание перспектив постсекулярной культуры, трансгуманизма, секулярности и религиозности, добра и красоты представлено в литературных сочинениях В. Пелевина: «Жизнь насекомых», «Желтая стрела», «Трансгуманизм».

В современных литературных романах автор поднимает ряд актуальных проблем. Прежде всего, это описание человека, не только лишенного высоких гуманистических характеристик, но и сводимого к статусу насекомого. Эта подчеркнутая нивелированность ценности человека может удивлять, однако в более позднем произведении «Трансгуманизм» автор создал еще более пессимистический образ человека-иллюзии, управляемого суперкомпьютером: «Может быть, я и сам кажусь кому-то такой же точно желтой стрелой, упавшей на скатерть. А жизнь – это просто грязное стекло, сквозь которое я лечу. И вот я падаю, падаю, уже черт знает сколько лет падаю» (Пелевин, 1993, с. 11). В обществе, которое окружает главных героев «Желтой стрелы», усматривается полное отсутствие единства и целостности, а также осмысленности в оценке происходящих событий. «Еще один ключевой образ – сами пассажиры, они представлены марионетками и винтиками системы, циклично повторяющие свое бессмысленное существование» (Эльсайед, 2023, с. 180). Эта хаотичность общества напоминает рой насекомых, которые образуют сложносочиненные рисунки, демонстрирующие некие общие инстинкты, необходимые для самовывживания.

Другой проблемой стало описание объективной реальности, которая иллюзорна, так как является виртуальной, полностью подстраиваемой под интересы и потребности индивида. Следует отметить, что в создании проблемы категории добра и красоты также относительны для восприятия каждого индивида и ситуативны, потому что отвечают интересам всемирной матрицы. С одной стороны, трансгуманистические и утопические проекты построены на идее сделать человека счастливым для начала в границах его самых значимых потребностей. С другой – в трансгуманизме иллюзорность мира и человека становится всеобъемлющим, что не может не настораживать.

«Персонажи в произведениях В. Пелевина в своих мировоззренческих оценках отражают определенную хрупкость бытия. Иллюзорность мира и его существование в параллельных измерениях одновременно характеризуют субъективность восприятия его каждым персонажем, а также “ускользающую”, “спрятанную глубоко” истинную объективную реальность» (Миллер, 2023, с. 90). Место красоты и добра в трансгуманистических проектах определено на разных уровнях: завораживающий блеск внешней красоты (образ мухи) и жертвенная красота материнской любви (образ паука вида *Amarobia*) (Пелевин, 2003). Добро интерпретируется как намерение суперкомпьютера создать у человека ощущение счастья и благополучия (Пелевин, 2021).

Мы согласны с высказанным мнением о том, что «общей сверхзадачей духовных усилий человека является его самораскрытие, подлинное самообретение, человек в полном смысле» (Миннуллин, 2022, с. 42). В постсекулярной культуре перед человеком стоят следующие задачи: самопознание и самопонимание, саморефлексия и самооценка, а также ответственное отношение к миру и к самому себе. «Никто не будет спорить, что человек одновременно является существом биологическим и духовным (социальным), но спор обязательно возникнет, если человек начнет самоопределяться с тем, какую позицию он займет, в отношении веры, например, или в отношении источника добра и зла» (Кубасова, 2021, с. 53–54).

Обращение к практике создания утопических и трансгуманистических проектов будущего является очень важным, позволяющим «примерить» на себя образ человека будущего и оценить возможные перспективы будущего. Некоторые тенденции явственно обнаруживаются уже сейчас, например, встраивание виртуального мира в реальный, нивелирование духовно-нравственных ценностей, кризис семейных отношений, проблема одиночества и многое другое. Таковы возможные перспективы постсекулярной культуры, однако, полагаем, что осмысление данных проблем способно возродить в человеке человеческое начало.

Заключение

Современная постсекулярная культура выстраивается как взаимодействие религиозного и секулярного подходов, а ее современное состояние раскрывается с помощью понятий «религиозность» и «секулярность». Данный процесс есть осуществление взаимосвязи науки и религии, этики и религии как важнейших элементов духовной культуры в своей совокупности, которые формируют онтологическую потребность человека в XXI веке «понимать и верить». Тем самым, в постсекулярной культуре наблюдается некий итог длительного существования, противопоставления, противодействия и установления диалога между религиозностью и секулярностью.

Пространство постсекулярной культуры есть единство представлений о добре и красоте, которые трансформировались в истории человеческой культуры как наиболее знаковые категории в осмыслении мира и постановке вопроса о предназначении человека. В представленном экскурсе истории культуры были отражены некоторые подходы в оценке добра и красоты. В постсекулярной культуре понимание добра и красоты соединено в секулярных и религиозных значениях, что показывает их сложную историческую трансформацию, а также важность индивидуального поиска в осмыслении данных категорий. В статье показано, что формирование культурной картины мира и мировоззрения каждого индивида вне категорий добра и красоты невозможно.

Обращение к литературным произведениям современного автора В. Пелевина позволило проанализировать художественные образы настоящего и будущего культуры, определить место и роль человека в утопических моделях трансгуманизма. Особую настороженность вызывают проекты подчинения человека сверхкомпьютеру.

Итак, постсекулярная культура являет собой соединение светского и религиозного в разной степени наполненности, что находит отражение в динамично развивающейся культурной картине мира. Такая же двойственность принадлежит и самому человеку. Современный человек способен осознать свою ценность и значимость при условии сформированности положительного ответа на главный философский вопрос А. Камю о том, стоит

ли человеку жить? При условии того, что человек отвечает положительно, можно осуществлять реализацию себя как ответственной личности, чье критическое мировоззрение основывается на категориях добра и красоты.

Перспективы дальнейшего исследования категорий добра и красоты в пространстве постсекулярной культуры могут быть разнообразными. В первую очередь, необходимо рассмотреть взаимосвязь религиозного и светского воспитания с формирующимися представлениями о добре и красоте молодого поколения, которое будет транслировать определенные ценностные установки в различных моделях поведения. В современных условиях у представителей молодого поколения наблюдаются достаточно размытые мировоззренческие границы в силу того, что понимание добра и красоты в пространстве современной культуры может быть совершенно противоположным. Это касается понимания самых значимых сфер жизни человека: его семьи, личностной и профессиональной реализации и, наконец, самого важного, а именно аспекта жизненного ориентирования, осознания того, что наше существование должно быть наполнено смыслом в соответствии с гуманистически ориентированным пониманием добра и эстетически деятельным транслированием красоты в пространство современной культуры.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / под ред. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготишвили, В. В. Кожина, Л. С. Мелиховой, Н. И. Николаева, И. Л. Поповой. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг.
2. Боров Ю. Б. Эстетика: в 2 т. Смоленск: Русич, 1997. Т. 1-2.
3. Дыдров А. А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: автореф. дисс. ... д. филос. н. Челябинск, 2021.
4. Емельянова Н. Н. Утилитаризм в культурно-философском дискурсе современности // Сфера культуры. 2022. № 2 (8).
5. Инговатов В. Ю. Постсекуляризм как концепт «новой интерпретации» ценностного бытия человека // Теология. Философия. Право. 2018. № 3 (7).
6. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997.
7. Ковалева С. В. Проблема добра и экзистенциальный анализ человека: автореф. дисс. ... к. филос. н. Иваново, 2005.
8. Козлов С. А. «Легкость бытия» в социокультурном контексте // Манускрипт. 2024. Т. 17. Вып. 1.
9. Кубасова Я. В. Неверие как новый формат веры // Секулярный век: вызовы цивилизации: материалы национальной научной конференции, посвященной Всемирному дню философии. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021.
10. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Азбука-Классика, 2018.
11. Миллер В. И. Трансгуманизм как явление современной культуры (на примере творчества В. Пелевина) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109).
12. Миннуллин О. Р. Красота, Истина и Добро в аксиологической перспективе // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14-15.
13. Муратова О. В. Традиции красоты в истории европейской культуры. автореф. дисс. ... к. культ. Саранск, 2009.
14. Наумова Д. Д. Можно ли утверждать, что в добре есть зло, а в зле есть добро? // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX международной научной конференции к 320-летию основания Санкт-Петербурга: в 3 т. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. Т. 3.
15. Поздеева А. А. Красота и ужас в контексте постсекуляризма, а также другие пути религиозного опыта в массовой культуре // Terra Aestheticae. 2020. № 1 (5).
16. Положенкова Е. Ю., Чернижников К. М., Соловьев Н. В. Трансгуманизм как форма гедонизма современной культуры: история, сущность, последствия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-6 (92).
17. Сайкина Г. К. Онтология нравственного добра: законы бытия как законы морали // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1.
18. Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. М.: Посев, 1968.
19. Смирнов С. А. Трансгуманизм: сущность и возможные последствия // Молодежь, наука и цивилизация: материалы международной студенческой научной конференции. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2023.
20. Толстой Л. Н. Что такое искусство? СПб. – Ясная Поляна, 1911.
21. Узланер Д. А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 1.
22. Усольцев Д. Е. «Золотое правило нравственности» и христианская этика: экзегетический анализ Лк. 6:31 // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 2 (17).
23. Хвастунова Ю. В. Трансгуманизм в зеркале постсекулярной культуры // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7 (99).

24. Хватаева Н. П. Оппозитивный характер онтологии ценности (на примере концепта «Красота») // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 6.
25. Чернякова Н. С. Социокультурные и гносеологические аспекты соотношения веры и знания // Мanuscript. 2024. Т. 17. Вып. 4.
26. Эльсайед А. Ф. А. Р. Образ российского общества в романе Виктора Пелевина «Желтая стрела» // Вестник Педагогического университета. 2023. № 5 (106).

Информация об авторах | Author information

Миллер Вероника Ивановна¹, к. филос. н.

¹ Сургутский государственный педагогический университет

Veronika Ivanovna Miller¹, PhD

¹ Surgut State Pedagogical University

¹ miller815mail@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.03.2025; опубликовано online (published online): 26.05.2025.

Ключевые слова (keywords): добро и красота; постсекулярная культура; секулярный и религиозный подходы; перспективы развития человечества; goodness and beauty; postsecular culture; secular and religious approaches; prospects of humanity development.